

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1848.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ - ВТОРАЯ.

С. П. Б.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 31 марта 1848 года.

Ценсоръ *А. Мехелинъ.*

**ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ
О НѢКОТОРЫХЪ ГОРОДАХЪ
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ *.**

Земли, составляющія нынѣшнюю Костромскую губернію, послѣ поселенія здѣсь между исконною Чудью пробравшихся съ юга семей Славянскихъ, принадлежали первоначально къ области Суздальской, а потомъ къ Великому Княжеству тогоже имени. Первые возникшіе здѣсь города Русскіе были Галичъ и Кострома, вѣроятно обязанные происхожденіемъ своимъ В. К. Юрію Владиміровичу Долгорукому. О Костромѣ лѣтописи упоминаютъ впервые подъ 1213 годомъ, о Галичѣ — подъ 1258. Оба города были нѣкоторое время центрами особыхъ удѣльныхъ княжествъ, пока при Іоаниѣ-Калитѣ не были навсегда присоединены къ Москвѣ: первый — неизвѣстно какъ, второй — куплею.

* Доставлено мѣстнымъ Губернскимъ Начальствомъ.

При первомъ административномъ раздѣленіи Россіи Петромъ-Великимъ, въ 1708 году, на восемь губерній, нынѣшняя Костромская губернія вошла въ составъ тогдашнихъ Московской и Архангелогородской. По раздѣленію 1719 года, *Кинешма* отъ Архангелогородской отошла къ новоучрежденной тогда губерніи С.-Петербургской. При Императрицѣ Елисаветѣ, *Лузь* принадлежалъ къ Юрьевъ-Польской, *Кинешма* — къ Ярославской, *Кострома*, *Буй* и *Кадый* — къ Костромской провинціямъ Московской губерніи, тогда-какъ *Галичъ*, *Соль-Галицкая*, *Чухлома*, *Кологривъ* и *Судай* составляли уѣзды Галицкой провинціи Архангелогородской, а *Юрьевъ-Поволжскій* и *Макарьевъ* — уѣзды Нижегородской провинціи Нижегородской же губерніи. Наконецъ, по образованіи въ 1775—85 годахъ намѣстничествъ, намѣстничество Костромское, учрежденное въ 1778 году, заключило въ себѣ все пространство, занимаемое нынѣшнею губерніею этого имени.

Переходимъ теперь къ городамъ губерніи въ-отдѣльности.

1. ГАЛИЧЬ.

Городъ этотъ, основанный Русскими въ землѣ Финскаго народа Мери, можно полагать, существовалъ еще задолго до «огражденія» своего, въ видѣ селенія Меричей. Селеніе это преобразовалось въ городъ, названный Русскими *Галичемъ*, въ воспоминаніе *Галича-Чер-*

венскаго, вѣроятно при В. К. Юріѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ, въ то же время, когда, взявши потерянныхъ имъ въ прежнихъ владѣніяхъ, построилъ онъ въ своей Суздальской области города: Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Залѣскій, Владиміръ-на-Клязьмѣ, Городецъ-на-Волгѣ, и другіе.

Что касается до первоначальнаго мѣстоположенія города, то сочинитель житія Паисія-Галичскаго полагаетъ, что Галичь построена была первоначально при рѣкѣ Челемѣ, въ 12 верстахъ отъ занимаемаго имъ нынѣ мѣста. Это не слишкомъ правдоподобно и потому уже, что предполагаемое прежнее мѣстоположеніе Галича, по тѣснотѣ онаго и неровности, древнимъ основателямъ городовъ, любившимъ строиться на просторѣ, при озерахъ и большихъ рѣкахъ, съ перваго взгляда должно было показаться неудобнымъ для построения на немъ города. Сверхъ-того, если бы Галичь въ самомъ дѣлѣ первоначально основана была на Челемѣ, то упоминалось-бы объ этомъ также и въ житіи Преподобнаго Аврамія-Галичскаго, жившаго за 129 лѣтъ до Паисія; но тутъ сказано, между-прочимъ, что Преподобный Авраамій, прибывъ въ Галичь, по прошенію Князя Дмитрія Θεодоровича Галичскаго, вѣхалъ съ иконою Богоматери прямо въ городскія ворота, озеромъ, и встрѣченъ былъ Княземъ въ соборѣ Всемилоствитаго Спаса, слѣдовательно на томъ именно мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Николаевскій дѣвичій

Монастырь. Притомъ, авторъ житія Св. Паисія говоритъ, что Галичь стоялъ близъ Монастыря-Паисіева и жилища Боярина Ивана Овина (или нынѣшней Овиновой - Слободы, составлявшей помѣстье Овина): это сказаніе, противорѣчащее первому, вѣрнѣе, ибо Монастырь-Паисіевъ и Овинская-Слобода находятся близъ озера; слѣдовательно можно думать, что Галичь съ самаго основанія стоялъ на настоящемъ своемъ мѣстѣ, а не на Челемѣ. Писавшій житіе Паисіево выводилъ первоначальное основаніе Галича на Челемѣ вѣроятно изъ того, что въ его время видны были при упомянутой рѣкѣ развалины зданій, башни и валъ; послѣдній, видѣнъ и донынѣ, съ тремя ямами, въ которыхъ находится горѣлый кирпичъ и слой горѣлой ржи, простирающійся на аршинъ въ глубину. Но такіе признаки подають скорѣе поводъ къ заключенію, что на этомъ мѣстѣ находился не городъ, а крѣпость, въ которую жители Галича укрывались со своимъ имуществомъ, во время непріятельскихъ набѣговъ.

Галичь, какъ сказали мы, упоминается впервые, въ извѣстныхъ лѣтописяхъ, подъ 1258 годомъ, при описаніи нашествія Батыева на Россію; но у Татищева находится онъ уже въ числѣ городовъ, составлявшихъ удѣлъ Константина Всеволодовича, внука Юрія Долгорукаго. По смерти В. К. Ярослава Всеволодовича, брата Константинова, Галичь получилъ въ удѣлъ сынъ его Константинъ, родъ котораго и княжилъ здѣсь до временъ Юанна-Камиты, который при-

обрѣлъ его себѣ куплею. Дмитрій-Донской духовною своею назначилъ въ удѣльные князья Галича сына своего Юрія Дмитриевича, послѣ котораго городъ этотъ достался сыновьямъ Юрія Дмитрію-Красному, и потомъ Дмитрію-же Шемякѣ, по изгнаніи котораго Галицкій удѣлъ уничтожился и навсегда нераздѣльно присоединился къ Москвѣ.

II. СОЛИГАЛИЧЬ.

Мѣсто, на которомъ стоитъ нынѣ Солигаличъ, до 1555 года покрыто было дремучимъ лѣсомъ. Въ этомъ году Князь Галицкій Феодоръ Симеоновичъ, какъ надобно полагать, одинъ изъ потомковъ Константина Ярославича, построилъ здѣсь, по вырубкѣ лѣса, первую деревянную церковь и основалъ мужской монастырь во имя Воскресенія Христова. Объ основаніи этого монастыря въ одной рукописной лѣтописи повѣствуется слѣдующее. Въ 1555 году по Р. Х. Галицкій Князь Феодоръ Симеоновичъ, въ ночи на Св. Пасху, по окончаніи чтенія Дѣяній Апостольскихъ, при выходѣ изъ церкви Монастыря Св. Спаса, построеннаго имъ близъ дворца своего въ Галичѣ, увидѣлъ великій свѣтъ, сіяющій на западной сторонѣ (вѣроятнѣе — на сѣверной, ибо Солигаличъ находится отъ Галича къ сѣверу), подобно зарѣ, приклоняющійся къ землѣ, и скоро пропавшій. Игуменъ того монастыря Леонасій, Бояре, при

томъ случаѣ бывшіе, и самъ Князь поражены были страхомъ отъ сего явленія. Игумень сказалъ, что на томъ мѣстѣ хочетъ Богъ просіять своею благодатию. На слѣдующей недѣлѣ Св. Пасхи, въ четвертокъ, въ пять часовъ пополудни, Князь, иди въ храмъ Св. Спаса, услышалъ въ той же сторонѣ сильный и страшный громъ и увидѣлъ огненный столбъ. Это еще болѣе породило въ немъ страхъ и благоговѣйныя чувствованія. Отслушавъ церковное пѣніе, онъ объявилъ о видѣнномъ и слышанномъ имъ Игумену Леонасію и Боярамъ. По общему совѣту положено было отправиться на то мѣсто самому Князю. Узнавъ напередъ отъ окрестныхъ жителей Галича, что та страна пуста и никѣмъ не обитаема, Князь отправился въ путь съ нѣкоторыми Боярами и другими людьми. Проходя лѣсами, онъ встрѣтилъ на пути Чудское- (вѣроятно — Чужломское)-Озеро и обитающій при немъ народъ Чудь; а потомъ далѣе къ сѣверу, въ лѣсу, нашелъ человѣка, бѣжавшаго изъ города Твери, отъ тамошняго Князя, который хотѣлъ убить его. Человѣкъ этотъ проживалъ въ лѣсу, съ семействомъ своимъ, уже семнадцать лѣтъ. Разказавъ ему о видѣніяхъ своихъ, Князь узналъ отъ него, что отыскиваемое имъ мѣсто не далѣе четырехъ верстѣ. Мѣсто это нашли поросшимъ дремучимъ лѣсомъ, при неизвѣстной рѣкѣ. Чтобъ узнать имя рѣки, Князь послалъ нарочныхъ внизъ по ней; посланные, приплывъ въ ладѣ

къ городу Костромѣ, узнали, что рѣка та называется Костромою. Самъ Князь и Бояре первые начали рубить лѣсъ, и, по вырубкѣ его, сооружена здѣсь усердіемъ Князя первая деревянная церковь, снабженная всякою церковною утварью, и устроены, кромѣ-того, мужской Воскресенскій Монастырь, въ ознаменованіе того, что первое явленіе послѣдовало Князю на день Воскресенія Христа Спасителя. Для населенія окрестностей этого монастыря, Князь въ томъ-же году приказалъ переводить сюда жителей изъ своихъ вотчинъ, дозволивъ также желающимъ переселяться изъ вотчинъ Костромскихъ и Ветлужскихъ, и даже самъ покупалъ вотчины на выводъ сюда. Братіи монастырской дозволено было пользоваться рыбною ловлею какъ въ озерахъ Чухломскомъ и Галичскомъ, такъ и въ близъ лежащихъ рѣкахъ. Князь Феодоръ пробылъ въ этомъ монастырѣ пять мѣсяцовъ и десять дней, и послѣ того посѣщалъ его неоднократно, постоянно оказывая къ нему великое усердіе. Наконецъ въ 1541 году, больной, по желанію своему, привезенъ онъ былъ въ эту обитель, и 10 мая постриженъ здѣсь въ иноки, принявъ въ монашествѣ имя Феодосія. Поселившіеся въ окрестностяхъ монастыря переселенцы открыли здѣсь добываніе и выварку соли, что и подало поводъ къ названію мѣстопребыванія ихъ *Солями*, а потомъ и къ названію самаго города, по принадлежности его къ Галичу—*Солю-Галицкою*, или сокращенно—*Солигали-*

чемъ. Впослѣдствіи устроены были здѣсь соляные колодцы и варницы.

Около 1540 года, Галичъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Солигаличъ, куплены были Княземъ Московскимъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитою, у потомковъ Константина Ярославича, и отъ него, по духовному завѣщанію, перешли къ сыну его Симеону Іоанновичу; а потомъ къ внуку Калиты Дмитрію Іоанновичу Донскому; этотъ, по завѣщанію же, передалъ ихъ сыну своему Юрію Дмитріевичу и его дѣтямъ: Василью-Косому, Дмитрію-Красному и Дмитрію-Шемякѣ, которые и были послѣдними удѣльными Князьями Галицкими.

Въ-слѣдствіе удѣльныхъ междоусобій, а съ другой стороны набѣговъ въ разныя времена Казанскихъ Татаръ, Солигаличъ, вмѣстѣ съ Галичемъ, терпѣлъ многія войны и разоренія. Такъ въ 1550, 1552 и 1554 годахъ, Князь Галицкій Андрей Ѳеодоровичъ, сынъ основателя Воскресенскаго-Монастыря въ Солигаличѣ, защищалъ его, какъ свою собственность, и отчасти съ успѣхомъ, отъ нападенія Ветлужскаго Князя Никиты Байбороды, и для охраненія монастыря отъ будущихъ раззореній, тогда же, по совѣту Бояръ, построилъ вокругъ него деревянный острогъ для воинскихъ людей и снабдилъ его военными снарядами и огненнымъ боемъ: въ монастырѣ считалось тогда братіи 324 человекъ, и назывался онъ Лаврою. Въ 1572 году, тотъже Ветлужскій Князь Никита Байборода, съ преданными ему другими

Князьями, съ Ногайцами и Луговою-Черемисою, идя рѣками Унжею и Вигою, опять напалъ на Солигаличъ: три дня защищались его жители, но наконецъ уступили превосходной силѣ непріятелей, которые, овладѣвъ острогомъ монастыря, разграбили монастырскія сокровища, братію и другихъ, скрывавшихся въ монастырѣ, убили, зданія же и все прочее предали пламени; селенія вокругъ монастыря имѣли ту же участь; жители ихъ взяты были и уведены въ плѣнъ. Послѣ сего монастырь долго оставался въ заустѣніи; впоследствии же былъ возобновляемъ и снова разоряемъ еще нѣсколько разъ. Такъ, въ 1552 году, при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, напали на крѣпость Солигалича четырнадцать тысячъ Казанскихъ Татаръ и Черемисовъ; три дня и двѣ ночи отбивались осажденные отъ враговъ: но мало было надежды отсидѣться, какъ, наконецъ, помощію и заступленіемъ Преподобнаго Макарія-Унженскаго, городъ спасенъ былъ отъ гибели: непріатели сами обратились въ бѣгство въ великомъ смятеніи. Въ память этого избавленія и въ благодареніе Угоднику, жители устроили при соборной церкви, что внутри землянаго вала, придѣлъ во имя Преподобнаго Макарія-Унженскаго, отчего и церковь стала называться Макарьевскою. День побѣды 19 января и донынѣ ежегодно празднуется жителями Солигалича. Памятниками этой войны уцѣлѣли два желѣзные котла, названные въ лѣтописи «ски-

пѣльницами». Высокій земляной валъ, насыпанный еще до 1552 года, также составляетъ въ настоящее время одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ остатковъ тѣхъ тяжелыхъ годовъ. Окружность его 190 сажень, высота — около 4, внизу — большой ровъ съ водою. Мѣсто это вообще называлось «городомъ», а селеніе по другую сторону рѣки Костромы — «посадомъ». На валу этомъ находилось шесть деревянныхъ башенъ и двое воротъ: Спаскіе и Дмитровскіе. При первыхъ, подъ башнею, помѣщалась опальная тюрьма, а подъ соборомъ — Государева казна. Въ 1612 году, Литовцы и Русскіе «воры» сожгли посадъ въ Солигаличѣ и Воскресенскій-Монастырь.

Кромѣ раззореній отъ набѣговъ непріятельскихъ, Солигаличъ пострадалъ много и отъ сильныхъ пожаровъ. Въ 1649 году сгорѣло въ немъ 105 дворовъ, всѣ ряды, 5 церкви и 15 варницъ. Въ 1752 году пожаръ истребилъ весь посадъ, 480 дворовъ, варницы, сады, причемъ и всѣ церкви обгорѣли. Въ 1808 году, исключая церковей Воскресенской и Преображенской, улицы Никольской и другой что на Горкѣ, все прочее истреблено было пламенемъ; именно: 400 дворовъ, всѣ варницы и ряды, присутственныя мѣста, Борисоглѣбская и Пятницкая церкви; на поправку города послѣ сего пожара покойный Императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ займообразно 25,000 р. асс. Въ 1654 году городъ пострадалъ отъ моровой язвы, которая продолжалась съ 18 авгу-

ста до 6 декабря: многіе дома опустѣли совершенно.

Послѣ пораженія въ 1450 году Галицкаго Князя Шемяки, Васильемъ Васильевичемъ Темнымъ, Солигаличъ, вмѣстѣ съ Галичемъ, вошли въ составъ единой державной Россіи и стали управляться Великокняжескими Тіунами; въ ихъ рукахъ были судъ и расправа, но переносъ дѣла слѣдовалъ въ Москву, гдѣ учрежденъ былъ особый приказъ, подъ названіемъ *Галицкой-Чети*. Послѣ 1609 года, по просьбѣ Солигаличанъ, отъ В. К. Василія Ивановича Шуйскаго учреждено въ Солигаличѣ особое Воеводство, вѣдомству коего поручены были гражданскій судъ и расправа, а въ-послѣдствіи уголовный судъ, сборъ податей, дѣла купеческія и земское управленіе; Канцелярію Воеводскую составляли: Воевода, его Товарищъ, Секретарь и два или три писца. Наконецъ, по изданіи Учрежденія о Губерніяхъ, Солигаличъ, въ 1778 году, включенъ въ составъ Костромской Губерніи, и получилъ настоящее свое значеніе уѣзднаго города.

III. НЕРЕХТА.

О времени основанія и образѣ происхожденія этого города не имѣется никакихъ историческихъ свѣдѣній. Нерехта въ первый разъ упоминается въ 1562 году, въ рукописномъ житіи Преподобнаго Пахомія-Нерехотскаго,

основавшаго въ двухъ поприщахъ отъ нея Сыпановъ-Монастырь, на рѣчкѣ Гридевѣ, вливающейся въ рѣку Солоницу, которая впадаетъ въ Волгу, подъ Николаевскимъ Бабаевскимъ Монастыремъ. Затѣмъ извѣстно, что въ 1389 году супруга В. К. Дмитрія-Донскаго Евдокія Константиновна отдала Св. Сергію - Радонежскому село свое Ѳедоровское, съ приселками и деревнями, находившееся Костромскаго уѣзда въ *Нерехтѣ*. Въ 1406 году В. К. Василій Дмитриевичъ духовною грамотою отказалъ Костромскую волость Нерехту супругѣ своей Софьѣ Витовтовнѣ, а, въ случаѣ ея кончины, сыну своему Князю Ивану: это завѣщаніе Великій Князь повторилъ въ духовныхъ грамотахъ, писанныхъ въ 1421 и 1424 годахъ, съ такимъ прибавленіемъ, что Княгиня своей отказываетъ Нерехту съ варницами, бортники, бобровники, и со Княгининскимъ-Селомъ. Въ 1436 году Князь Василій-Косой шелъ на Нерехту съ конною силою противъ В. К. Василія-Темнаго, стоявшаго съ войскомъ въ Ростовской области, а въ 1462 году сей-последній отказалъ *Нерехту*, съ варницами и пошлинами, супругѣ своей Маріи Ярославовнѣ, почему она и имѣла въ Нерехтѣ своего тиуна Алексѣя-Бобошу и праведчика Якова-Куриду. Въ 1504 году Царь Іоаннъ III, Кострому съ Плесомъ и Нерехтою отказалъ, по духовной грамотѣ, сыну своему Василію Іоанновичу, а въ 1572 году Іоаннъ IV, Плесо и *Нерехту* съ Солями отказалъ второму сыну

своему Феодору. Около 1609 года, когда Сѣверная Россія ополчилась противъ Поляковъ, Нерехта была опустошена и сожжена; соборъ во имя Бориса и Глѣба ограбленъ, и въ то же время сожженъ и Сыпановъ-Монастырь. Оттого, когда Павелъ Волинскій, въ 1627 году, описывалъ Нерехту, половина жилыхъ мѣстъ лежала тамъ впустъ, равно-какъ и варницы. Въ 1627 году, четвертую-долю Нерехты населяли крестьяне Троицы-Сергіева Монастыря, вѣроятно по случаю обработки соли на Нерехотскихъ варницахъ. Изъ двадцати-одной варницы, двѣ, Перепелка и Бурково, принадлежали Сергіеву-Монастырю; прочія составляли собственность Нерехтчанъ и нѣкоторыхъ монастырей. На степень уѣзднаго города Нерехта возведена въ 1778 году.

IV. ПЛЕСЬ.

Городъ этотъ, нынѣ заштатный, основанъ былъ въ 1409 году, по повелѣнію В. К. Василія Дмитріевича, когда онъ скрывался въ Костромѣ отъ Татаръ Едигея.

Въ 1540 году, Татары, идя по направле-нію къ Костромѣ, приблизились и къ Плесу: здѣсь, у Пятницы, произошло сильное сраженіе, въ которомъ пало четверо большихъ нашихъ воеводъ, Князья: Феодоръ Курбскій, Васильевъ, Тулуновъ и Засѣкинъ; но подъ конецъ Татары разбили и обратили въ бѣгство. Въ 1612 году, когда Пожарскій и Мининъ шли Волгою съ войскомъ изъ Нижняго, Костроми-

ча не прибыли на встрѣчу имъ въ *Плесо*, чтобы согласиться здѣсь въ мѣрахъ противъ измѣнника воеводы Ивана Шереметева, который похвалялся, что не впуститъ въ Кострому войско Пожарскаго.

До 1778 года Плесо числилось пригородомъ Костромскаго уѣзда; въ этомъ-же году сдѣлано уѣзднымъ городомъ. Но въ 1798 году Плесской уѣздъ по правую сторону Волги приписанъ съ самымъ Плесомъ къ Нерехотскому, а по лѣвую сторону — къ уѣздамъ Костромскому и Кинешемскому.

У. КИНЕШМА.

Когда именно и кѣмъ основанъ этотъ городъ, совершенно неизвѣстно; въ лѣтописяхъ упоминается онъ впервые въ концѣ XV столѣтія. По сказаніямъ старожиловъ и нѣкоторымъ слѣдамъ старины, осѣдность жителей на этомъ мѣстѣ можно отнести ко временамъ владычества Татаръ надъ Россіею. Доказательствомъ этому можетъ нѣкоторымъ образомъ служить, вѣроятно современный началу Кинешмы, и находящійся среди города, глубокій ровъ съ деревянною дубовою стѣною. Внутренняя часть города называется и донынѣ *Кукуемъ* (выраженіе Татарское), по сходству своему съ Московскою Нѣмецкою слободою тогоже имени, упоминаемою въ лѣтописяхъ. Сверхъ-того, какъ на памятникъ прошлыхъ временъ Кинешмы, указываютъ на одно мѣ-

сто, близъ берега рѣки Кинешемки (протекающей на восточной сторонѣ города и впадающей въ Волгу), въ концѣ нынѣшней Селивановой или Грязной - Улицы, куда жители скрывали свои сокровища отъ непріятелей. Это небольшое пространство, встарину лѣсное, изрыто глубокими ямами, и донынѣ считается мѣстомъ кладовъ.

Кинешма первоначально была небольшая слободка, раскинутая по отлогому берегу рѣки Волги, при впадении въ нее рѣчки Кинешемки: жители ея занимались рыбною ловлею на себя и на Государя. Вскорѣ потомъ, по размноженіи этихъ промышленниковъ, расселившихся въ разныхъ мѣстахъ по побережью означенныхъ рѣкъ, получила она названіе посада. Посадъ этотъ состоялъ изъ четырехъ селеній: а) собственно посада, возвышенная мѣстность котораго, примыкающая къ укрѣпленію, называется Кукуемъ; нынѣ здѣсь Московская и Соборная или Покровская улицы: первая называлась Большимъ, а послѣдняя Малымъ-Кукуемъ; б) слободы за рѣкою Кинешемкою, гдѣ впоследствии основанъ мужескій Спасо-Преображенскій Монастырь, существовавшій до половины XVII столѣтія; в) Загородья—селенія прилегающаго къ рѣкѣ Козохъ, на западъ отъ укрѣпленія, гдѣ уже въ началѣ XVII столѣтія, въ память освобожденія города отъ Поляковъ, основанъ дѣвичій Вознесенскій-Монастырь, существовавшій до 1760 года; наконецъ г) ямской слободы,

находящейся близъ этого загородья, по лѣвую сторону рѣки Козохи, и называющейся нынѣ Зарѣчной-Слободою или Турунтаевкою: жители ея, занимавшіеся содержаніемъ почтъ, всѣ почти и донынѣ носятъ прозванье Турунтаевыхъ и, находясь въ родственныхъ связяхъ между собою, выводятъ родоначалье свое отъ Турунтая Пронскаго, почему нѣкоторые изъ нихъ извѣстны также и подъ названіемъ Бояръ или Бояркиныхъ; первоначально принадлежали они къ классу Бояръ Панцырныхъ и были освобождены отъ платежа податей, но впоследствии, въ концѣ XVIII вѣка, причислены къ окладному состоянію.

Далѣе, вверхъ по рѣкѣ Козохѣ, на этойже сторонѣ, не болѣе 25 сажень отъ Ямской-Слободы, лежитъ небольшая деревенька Бѣловская, принадлежавшая Федору Ивановичу Бѣльскому. Это помѣстье было дано ему Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1493 году, тогда какъ Бѣльскій былъ сосланъ по подозрѣнію соучастія съ Лукомскимъ въ умыслѣ отравить Государя, или тогда какъ этотъ знаменитый Литовскій выходецъ женился въ 1498 году на родной племянницѣ Іоанновой, Княжѣ Рязанской. Въ духовной грамотѣ Іоанновой отъ 1504 года, говорится: «а что есьми пожаловалъ Князя Федора Ивановича Бѣльскаго, далъ есьми въ вотчину городъ Лухъ съ волостями, да волость Висугу, да *Кинешму*, да Чихачевъ, и Князь Федоръ и дѣти его служатъ сыну моему Василью, а ту вотчину держать по то-

му, какъ было при мнѣ.» Бѣльскій часто прѣзжалъ сюда проживать по нѣскольку времени, вѣроятно лѣтомъ; на скатѣ Козохи, близъ двухъ старыхъ сосенъ и донинѣ указываютъ на остатки Боярскаго сада, обнесеннаго тыномъ. По преданіямъ Кинешемцевъ, онъ погребенъ въ слободѣ Солдогѣ, гдѣ и доселѣ показывается надгробный его памятникъ, съ надписью уже изгладившеюся отъ времени. Другіе утверждаютъ, что онъ здѣсь только умеръ, а погребенъ близъ города Луха въ своихъ отчинахъ. Солдога находится въ 11 верстахъ отъ Кинешмы; она нерѣдко служила убѣжищемъ для Кинешемцовъ, во время набѣговъ непріятельскихъ.

Въ 1539 году въ предѣлахъ Кинешемскихъ злодѣйствовали Казанцы, звѣрски поступая съ жителями: жгли и истребляли все имъ встрѣчавшееся. Въ 1576 году, Кинешемцы находились въ судовой рати на Волгѣ, собранной для обузданія мятежныхъ Черемисовъ, Астрахани и Ногаевъ. Есть преданіе, что въ то же время, то есть въ концѣ XVI столѣтія, находились въ Кинешмѣ хорошія соловарни; но доказать существованіе ихъ было-бы весьма трудно, потому-что преданіе это опровергается какъ мѣстоположеніемъ города, такъ и почвою земли: выварка соли здѣсь совершенно невозможна, развѣ колодцы, откуда доставаемъ былъ рассолъ, находились на чрезвычайно большомъ углубленіи. Въ началѣ XVII столѣтія и позже, послѣ совершеннаго усмирненія Польскихъ мяте-

жей, многіе изъ бунтовщиковъ-Поляковъ, прельстившись мѣстоположеніемъ Кинешемскаго посада и въ надеждѣ на удобства жизни привольной и безбѣдной, избрали его постояннымъ мѣстомъ жительства: потомки ихъ и донынѣ носятъ прозванія иноземныя: «Пановыхъ» и другія подобныя. Въ 1608 году, 26 мая, на канунъ праздника Вознесенія Господня, Кинешемцы, подъ предводительствомъ Боярина Федора Бабарыкина, выдерживали упорное сопротивленіе противъ Лисовскаго и Тишкевича; но наконецъ посадъ взятъ былъ приступомъ и сожженъ. Горожане, вмѣстѣ съ окрестными жителями, собравшимися сюда для торговли, долго и мужественно сопротивлялись врагамъ, но должны были уступить силѣ; множество ихъ было убито, а захваченныхъ живыми Ляхи предавали мучительной смерти. Стычка была въ полуверстѣ отъ посада, въ бору, по большой Владимірской дорогѣ, на плоской возвышенности, гдѣ нынѣ поставленъ крестъ. Въ память-же убіенныхъ и замученныхъ защитниковъ Вѣры и Отечества, на торговой площади сооружена была каменная часовня, въ которой поставленный тогда осьмипугольный крестъ, величиною въ два аршина, сохранился и донынѣ; жители города и окрестные поселяне ежегодно собираются на это мѣсто 26 мая, или въ послѣднюю среду предъ Вознесеніемъ, какъ день торговый, для совершенія приличнаго торжеству обряда. На правомъ берегу рѣки Кинешемки, на вы-

сокой горѣ, покрытой лѣсомъ, показываютъ мѣсто, гдѣ былъ предъ нападеніемъ станъ Русскихъ, а на западной сторонѣ города, близъ самаго мѣста битвы—станъ непріятельскій: неоспоримымъ тому доказательствомъ служатъ находимыя тутъ доселѣ остатки оружія. По совершенномъ разореніи Кинешмы, Ляхи, устремившіеся къ Костромскимъ предѣламъ, на пути въ Солдогъ, находящейся на лѣвомъ берегу Волги, встрѣчены были крестьянами и посадцами Кинешемскими, разбѣжавшимся—было при нападеніи на Кинешму, подъ предводительствомъ дворянъ Куломзина и Шушорина. Въ этой слободѣ также находится много гробницъ, свидѣтельствующихъ объ упорствѣ происходившей здѣсь битвы. Во время и послѣ нашествія Поляковъ, многіе изъ Солдожанъ поселились въ Кинешмѣ; посему-то эта слобода и считается принадлежащею къ городу.

Когда Кинешма сдѣлана городомъ, неизвѣстно. До административныхъ преобразованій 1775—1785 годовъ, она принадлежала къ Ярославской провинціи Московской губерніи, а по управленію духовными дѣлами — къ Суздальской Епархіи; по открытіи-же Костромскаго Намѣстничества въ 1778 году, причислена къ сему-последнему. Гербъ ея, вѣроятно-данный въ это-же время, имѣетъ: «въ зеленомъ полѣ два свѣтка полотна» — символъ главной промышленности, которою занимаются жители.

VI. ЮРЬВЕЦЪ.

Юрьевецъ получилъ это названіе отъ имени Юрія или Георгія II Всеволодовича Великаго Князя Владимірскаго, которому приписываютъ основаніе этого города, около 1225 года. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ преданіе. Юрій Всеволодовичъ, посѣщая разъ племянниковъ своихъ, сыновей покойнаго брата своего Константина: Василія—въ Ростовѣ, и Всеволода—въ Ярославлѣ, вздумалъ возвратиться въ свое княжество водянымъ путемъ по рѣкѣ Волгѣ. Доплывши до рѣки Унжи, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны, онъ остановился при устьѣ ея, приказалъ раскинуть тутъ шатеръ, и предался отдохновенію, въ-продолженіе котораго видѣлъ будто-бы во снѣ, что на другой сторонѣ Волги, на горѣ въ лѣсу, стоитъ икона Св. Великомученика Георгія-Побѣдоносца съ горящею передъ ней свѣчею. Вставши отъ сна, Великій Князь пошелъ внизъ по Волгѣ и, пришедши къ заводи, называемой и доселѣ, по его имени, *Юрьевою*, отстоящей отъ города на двѣ версты, началъ со вниманіемъ смотрѣть на противоположную сторону рѣки Волги и дѣйствительно увидѣлъ тамъ на горѣ, сквозь лѣсъ, огненный лучъ, на-подобіе сіяющей звѣзды; это побудило Князя переправиться туда черезъ рѣку съ Бояриномъ своимъ Василюмъ, по прозванію Скороумнымъ, и цемными другими спутниками. Взойдя на гору,

онъ въ-самомъ-дѣлѣ нашелъ на вѣтвяхъ вяза, съ горящею предъ нею свѣчею, видѣнную имъ во снѣ икону; по однимъ, она написана была на доскѣ, а по сказанію другихъ—высѣчена на камнѣ. На этомъ мѣстѣ приказалъ онъ расчистить лѣсъ, построить деревянную церковь во имя Св. Великомученика Георгія и основать городъ, названный, по имени его, *Юрьевцемъ*, съ присоединеніемъ къ этому названію прилагательнаго *Повольскій* (то-есть — *Поволжскій*), для отличенія его тѣмъ отъ прочихъ городовъ тогоже имени.

Въ-последствіи времени, Юрьевецъ распространился и былъ украшенъ многими церквями, которыхъ нынѣ считается всего одиннадцать. Но, по указанію памятниковъ, оставшихся на мѣстѣ упраздненныхъ церквей, ихъ было въ древности гораздо болѣе; вѣроятно въ 1559 году, онъ были сожжены Казанцами, во время ихъ набѣговъ на городъ. Въ 1608 году, Юрьевецъ, вмѣстѣ съ другими русскими городами, претерпѣвалъ нашествіе Ляховъ: изъ житія Преподобнаго Макарія-Унженскаго видно, что Ляхи, подъ предводительствомъ воеводы Лисовскаго, произвели тогда, какъ въ самомъ Юрьевцѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, тѣму убійствъ, пожаровъ и всякаго рода раззореній.

Въ Юрьевецкой Градской Думѣ хранится грамота Царя Алексѣя Михайловича отъ 25 мая 17165 года, изъ коей явствуетъ, что при Князѣ Семенѣ Никитичѣ Болховскомъ построена бы-

да въ городѣ Юрьевцѣ, по указу Царскому, земляная крѣпость, въ которой имѣлось пять башенъ каменныхъ съ восточной стороны и нѣсколько сажень каменной стѣны. Стѣна эта, вмѣстѣ съ тремя башнями, въ 1780 и 1781 годахъ, по указу Костромской Казенной Палаты, была за ветхостію разобрана для употребленія кирпича на постройку зданія Присутственныхъ Мѣстъ; послѣднія-же двѣ башни, Вознесенская и Полевая, проданы были въ 1823 году съ публичныхъ торговъ въ частныя руки. Отъ крѣпости и понынѣ существуетъ земляной валъ съ проконаннымъ сзади вокругъ него ровомъ; въ окружности имѣла она 988 сажень, а по межеванію 1781 года, подъ всею тою крѣпостью съ принадлежностями, значится 46 десятинъ 218 сажень: жилыхъ зданій въ ней нѣтъ, да и прежде не было; тутъ имѣются только два пруда глубиною въ двѣ сажени.

Кромѣ-того, надъ подольемъ города Юрьевца, на Предтеченской-Горѣ, видѣнъ другой земляной валъ, о которомъ въ сохранившейся писцовой книгѣ 1677 года не находимъ никакого обстоятельнаго свидѣнія. На Воскресенской же Горѣ существовалъ въ древнія времена деревянный острогъ, о которомъ въ той же книгѣ, хранящейся въ Юрьевецкомъ Городовомъ Магистратѣ, значится, между прочимъ, что «тому острогу мѣры отъ полевыхъ воротъ подлѣ стѣнъ до проѣзжихъ посадскихъ воротъ—194 сажени, а отъ тѣхъ воротъ по

другую сторону до полевыхъ воротъ—148 сажень»; по стѣнамъ, вмѣсто башенъ, сдѣлано было 12 выводовъ, въ которыхъ, равно-какъ и по стѣнамъ, помѣщались кровати, на воротахъ-же были избы караульные. Въ этомъ же острогѣ существовала и Воскресенская-Церковь, ураздненная въ 1814 году, и присоединена къ городскому собору; также тюрьма, казенной погребъ и пушкарскіе дворы, снабженные разнаго рода огнестрѣльнымъ и бѣлымъ оружіемъ. Былъ и особый житной дворъ Государевъ. Нынѣ слѣды всего этого остаются только въ примѣчаемыхъ тамъ-и-сямъ ямахъ.

VI ПУЧЕЖЬ.

Въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ сказаній, и даже намековъ, ни объ основателяхъ, ни о времени основанія этого посада. Но можно предпологать, что заселеніе мѣста, занимаемаго нынѣшнимъ Пучежемъ, относится перанѣе какъ къ концу XVI или даже началу XVII столѣтія. Это предположеніе можно основывать на томъ, что когда защитники бѣдствующаго Отечества, Мининъ и Пожарскій, шли избавить Москву отъ хищничества Поляковъ, изъ Нижняго-Новгорода вверхъ по Волгѣ, набирая на пути ратниковъ, то о Пучежѣ при этомъ случаѣ не упоминается; тогда-какъ говорится объ Юрьевцѣ-Повольскомъ и даже о селѣ Рѣшмѣ. Если Пучежъ и существовалъ уже въ это время, то вѣроятно не иначе какъ въ видѣ весьма незначительнаго селенія.

Вся выгода, какую можно было предположить при основаніи Пучежа, заключалась въ рыбной ловлѣ. Это доказывается, если вѣрить преданію, тѣмъ, что на довольно значительномъ разстояніи, ни выше, ни ниже по теченію рѣки Волги, не было тутъ никакого жилища, а если и были, то рыбацкія лачуги, которыя выстраивались жителями сосѣдней деревни Мальгинской, находящейся не болѣе версты къ югу отъ Пучежа.

Есть указъ Царя Михаила Ѳеодоровича о сборахъ, данный жителямъ Пучежа въ 1614 году, который начинается такъ: «Въ Юрьевецкій уѣздъ Повольскій, въ Пучежскую слободку, старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестьянамъ. Былъ намъ челомъ Пучежскія слободки старосты: Петрушка Мелетьевъ» и проч. Отсюда видно, что Пучежъ въ это время назывался, и конечно былъ еще не болѣе, какъ «слободкою».

Въ Пучежѣ, какъ говоритъ преданіе, были два монастыря: одинъ мужской, другой женскій. Послѣдній приурочивается къ мѣсту, занимаемому нынѣ Преображенскою соборною церковью, что подъ горою. О мужскомъ же монастырѣ извѣстно, что по указу, послѣдовавшему въ 1764 году, онъ упраздненъ и переименованъ въ приходскую Вознесенскую Церковь. Построенъ онъ былъ попеченіемъ Митрополита Іова, какъ значится это по надписи, имѣющейся на стѣнѣ той церкви; другимъ доказательствомъ тогоже служитъ пожер-

твованная тѣмъ же Іовомъ плащаница. Въ Пустынской - Пустынѣ, какъ назывался монастырь, считалось братіи до 25 человекъ; онъ обнесенъ былъ деревянною оградой, вмѣщавшею въ себѣ до 10 большихъ келій, а на самомъ берегу рѣки Волги сдѣланъ былъ обрубъ, остатки коего еще и донынѣ существуютъ.
